

навіслі крылі [1, с. 80] і інш. Найчасцей гэта традыцыйныя па лексічным нападзенні канструкцыі, але пры гэтым вельмі праўдзівыя і надзвычай удала, да месца ўключаныя ў кантэкст. Яны з'яўляюцца адным з актыўных сродкаў рэалізацыі аўтарскай задумы і дапамагаюць зрабіць малюнак па-мастацку дакладным, наглядным, жывапісным.

Літаратура

1. Геніюш, Л. Гасціна: Выбранае / Л. Геніюш. – Мн.: Маст. літ., 2000. – 382 с.
2. Геніюш, Л. Невадам з Нёмана. Вершы / Л. Геніюш. – Мн.: Беларусь, 1967. – 208 с.
3. Марціновіч, А. “Ты мой боль святы, Беларусь мая...”: Творчы партрэт Ларысы Геніюш / А. Марціновіч // Роднае слова. – 1992. – № 3. – С. 26 – 34.

А.Н. Деревяго (Витебск)

АНТРОПОНИМНЫЕ КОДЫ БЕЛОРУССКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА XX ВЕКА: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Поэтический текст является автономной реальностью, созданной автором в соответствии с собственным миропониманием и мироощущением. Он создается при появлении определенной установки его создателя и функционирует в области коммуникации. Коммуникативность, пожалуй, основное статусное свойство текста и понимается как «степень его [текста] обращенности к читателю» [1, с. 8]. Текст одновременно демонстрирует качества и единицы информации, и продукта деятельности субъекта по осмыслению онтологических основ своего существования, и материала для восприятия и интерпретации.

Идеальные, вымышленные образы, которыми насыщается текст, дублируют объектный мир реальной материальной действительности, создаются по его образу и подобию, но в полной мере его не повторяют. Эти искусственные денотаты, созданные автором, воспринимаются читателем с долей привнесения в семантику личностного, индивидуального отношения. Для смыслового пространства текста в большей мере ценны все возможные и прогнозируемые автором ассоциации, возникающие при упоминании имени персонажа, так что имена собственные (или поэтонимы) художественного текста, имея связи с денотатом, все же в большей мере ценны своим периферийным отделом семантики, то есть разнообразными и разнонаправленными ассоциативными смысловыми блоками, идеями, векторами.

Внешняя структура развертывания текста не совпадает с внутренней: объем знаковых единиц значительно уступает объему значения, который ими выражается. Степень соответствия структурной и смысловой сторон определяется размером прагматической информации. Мера прагматической информационной составляющей формируется с учетом типа текста, его предназначения и прогнозируемого адресата. Учет этих условий существования текста применительно к его художественной разновидности позволяет рассматривать онимический конструкт в качестве одного из значимых элементов организации глубинной, смысловой стороны текста.

Внутренняя форма поэтического текста формируется широким спектром семантических отражений словесных знаков. Все многообразие отношений, впечатлений и наблюдений автор вмещает в этот знак, однако одной только знаковой функцией оно не исчерпывается: на первый план выступает отражение смысла. Феномен создания поэтического произведения заключен в специфике процесса организации разрозненных смыслов в один целостный, когда, «возникнув в мыслящем и говорящем сознании поэта, он (смысл) требует выражения, а предметная сторона его требует изображения; ... включенного в выражение, не изображения значений, то есть предметов, а смысла, включающего их в себя» [2, с. 413].

Среди имен собственных есть особые единицы, внутренняя форма которых складывается информационными блоками множественных повторов. Такие имена (чаще всего антропонимы) активнее и качественнее, чем другие единицы ономастического пространства, аккумулируют в себе смысловые отражения словесных знаков окружающего контекста или ситуации. Денотат такого имени вносит в онтологические, аксиологические основы культуры некое собственное продуктивное новообразование. Преобразованная в смысловой блок прагматическая информация в среде текста актуализируется многократно от контекста к контексту, так что скоро антропоним становится ценным сам по себе, а ретрансляция из сферы культурного тезауруса закрепляет за ним статус антропонимного кода. Обретение антропонимом этого статуса проявляется, в частности, в высокой степени востребованности онима, его активном и частом использовании.

Антропонимикон белорусского поэтического текста XX в. отмечен реализациями нескольких по истине значимых для белорусской и мировой культуры образов. В первую очередь, высокая частотность употребления отличает имя-образ Франциска Скорины. Сопоставительный анализ контекстов В. Короткевича, А. Дудара и А. Александровича показал, каков механизм ретрансляции онима в каждый отдельно взятый контекст и в смысловой план поэтического текста в целом. Прагмакомпонент онима **Франциск Скорина** демонстрирует смысловую трансформацию: от прямого смыслового плана, который формируется сведениями об одном из наиболее известных и славных деятелей науки, культуры эпохи Возрождения в Беларуси, до выражения особого пиекета по отношению к личности Ф. Скорины, что проявляется в контексте В. Короткевича: “*Ты прыйшоў / І гарачым словам / Рунь узняў на роднай зямлі. / Ты сказаў нам: / “Унукі Скарыны, / Дзе ваш гонар, моц і краса?..”* [3, с. 227]. Имя Франциска Скорины становится эталоном самоотверженного служения своей родине, своему народу, в соответствии с которым выстраивается остов гражданской позиции будущих поколений.

Вторым по частотности употребления антропонимным кодом можно считать оним **Багдановіч**. Он объединяет, кроме прочих, контексты В. Короткевича, А. Дудара, А. Александровича, А. Жигунова, М. Познякава, А. Сыса и Э. Зубрицкого. Получение этим антропонимом статуса кода неслучайно, так как именование несет в себе, кроме прямого смыслового плана, добавочную эмоционально-оценочную семантику в прагматическом блоке: загадочность и необъяснимость гения, который, будучи оторван от реалий белорусской культуры, тем не менее лучше многих ее ощущал: «*І з якой таямнічай крыніцы / Чэрпаў сілы ён, веру, натхненне, / Каб нязгаснаю зоркай свяціцца / Для наступных усіх пакаленняў?*» [4, с. 83]. В ряде контекстов прагмакомпонент антропонимного кода насыщается смысловыми блоками, напрямую связанными с высокой оценкой творчества поэта, чья деятельность сыграла исключительную роль в формировании эстетических основ белорусской возрожденческой литературы XX в. Так, в контексте Э. Зубрицкого поэтическое творчество М. Богдановича возводится в ранг аксиологических основ бытия: «*Вады калодзежнай глыток / У дарагой бацькоўскай хаце / І Багдановіча радок – / Найдзіўнае багацце*» [5, с. 88]. А. Сус использует этот смысловой блок, усиливая его путем эталонного сравнения с легендарно лучшим поэтическим произведением всех времен – “Песней Песней” царя Соломона: “*Ёсць ПЕСНЯ ПЕСНЯЎ / Вянок Багдановіча – ВЯНОК ВЯНКОЎ / так напісаў не я / так сказала жанчына / яна ўсё жыццё пляла вянкi*” [6, с. 59].

Этот статусный оним в разных контекстах представлен разными моделями именования: **Багдановіч – Максім Багдановіч – Максім**. И если первые две модели наиболее узнаваемы, то идентификатором последней часто выступают элементы (в том числе и онимические), аллюзивно ориентированные на прямой смысловой план именования белорусского поэта. Так, в контексте А. Жигунова в функции идентификатора прямого смыслового плана прагмакомпонента онима **Максім** автор использует антро-

поним **Вераніка**. Это имя связано с одноименным образом героини М. Богдановича, которая стала идеальным воплощением девичьей красоты, материнской доброты и символом гуманистических основ жизни, радости. Введенное в узкий поэтический контекст, оно прокладывает смысловые векторы именно к образу поэта М. Богдановича.

Еще одним неизменным антропонимным кодом проанализированных контекстов является антропоним **Марыя**. В семантике онима, обнаруженного в исследованных контекстах, сохранено устойчивое ядро и периферия (имя презентует образ Марии, Богоматери), однако в каждом новом контексте добавляются или актуализируются все новые и новые блоки: актуализированные смысловые блоки с усилением семы «вечность, незыблемость образа материнской любви и верности» («*Ах, дзянёчкі, дзетачкі, гады, – / Дзе ж яны, світалыня такія? / Два вядры, паўнютка журбы. / Два стагоддзі: космас і Марыя*») [6, с.156]; с углублением семы «страдание и страдальчество» («*– Любы мой, – скажа яму Марыя, – / шчасце тваё ў пакутах. / Дзверы адчыніць, бы свет, старыя, / пойдзе на холод люты...*») [6, с.64]; с добавлением семы «воплощение женственности и красоты» («*Вечна юная, быццам ты з вечнасцю ў змове, / як імя тваё з вечнасцю ў змове: Марыя*») [6, с.86].

Таким образом, белорусский поэтический текст XX в. характеризуется “самоцитированием” нескольких антропонимных кодов, в числе которых (по представленности в контекстах разных авторов, по качеству смысловых преобразований) наиболее заметными являются онимы **Францыск Скарына**, **Багдановіч** и **Марыя**. Все они вместе и каждый в отдельности представляют тезаурусное знание как создателей контекстов, так и их читателей.

Літаратура

1. Валгина, Н.С. Теория текста / Н.С. Валгина. – Москва: Логос, 2004. – 280 с.
2. Лотман, Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. / Ю.М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1993. – Т.3: Статьи по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. – 1993. – 495 с.
3. Караткевіч, У. Збор твораў: у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 1987. – Т.1. Вершы, паэмы. – 431 с.
4. Пазнякоў, М. Святое правіла / М. Пазнякоў. – Мінск: Маст. літ., 2008. – 270 с.
5. Зубрыцкі, Э. След чмяля / Э. Зубрыцкі. – Мінск: Кнігазбор, 2006. – 224 с.
6. Я хацеў вам сказаць...: вершы, паэмы: Беларуская паэзія XX стагоддзя / уклад. В. Шніпа. – Мінск: Маст. літ., 2008. – 302 с.

А.С. Дзядова (Віцебск)

СПЕЦЫФІКА КАНЦЭПТА “ПРАЦАВІТАСЦЬ” У ПРЫКАЗКАХ І ПРЫМАЎКАХ ПРА ЛЁС І ХАРАКТАР ЧАЛАВЕКА

У беларускай парэміялогіі, якая ўвабрала ў сябе самыя разнастайныя погляды чалавека на свет і даволі поўна і выразна адлюстравала шматграннасць жыцця і дзейнасці беларускага народа ў розныя перыяды яго гісторыі, пэўнае этнакультурнае значэнне набывае асацыятыўны вобраз працы як адзін з найбольш значных элементаў у сістэме агульначалавечых каштоўнасцей. Праца з’яўляецца надзейным спосабам прызнання чалавека ў грамадстве. Першаасновай чалавечага жыцця большасць беларусаў лічаць уменне працаваць. Яшчэ ў старажытнасці яны з вялікай адказнасцю ставіліся да працы і бачылі ў ёй сэнс жыцця. Працавітасць з’яўлялася адным з асноўных крытэрыяў чалавечай годнасці, найвышэйшай пахвалою.

Разгледзім спецыфіку канцэпта “працавітасць” на прыкладзе прыказак і прымавак, зафіксаваных у парэміялагічных даведніках беларускай мовы [1; 2; 3]. Маральнае сталенне асобы ва ўсе часы вызначалася перш за ўсё праз адносіны да працы. Дабра-